

От создателя
Тани
Троттер

Омгрий Емеу

Яге
и магия вуду

Дмитрий Емец
Ягге и магия вуду

«Емец Д. А.»

2004

Емец Д. А.

Ягге и магия вуду / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2004

В последний день каникул Кирилл так спешил домой, что, перебегая дорогу, не посмотрел по сторонам. Удара он не почувствовал. Не успел даже заметить, какая машина его сбила. Очнувшись в полной темноте и услышав голоса, мальчик приободрился – жив! Но услышанное оптимизма не вселяло. Во-первых, он понял, что во всем виновата Красная Рука. А во-вторых, отныне его «домом» будет Параллельный Мир. Оказавшись бок о бок с оборотнями, мерзляками и прочей нечистью, Кирилл не оставляет надежды вернуться в человеческий мир. Но для этого нужно совершить невероятное – бросить вызов непобедимой Красной Руке...

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25
	30

Дмитрий Емец Ягге и магия вуду

Глава I

КТО УГНАЛ ГРОБ НА КОЛЕСИКАХ?

– Какой странный у тебя велосипедик, девочка!

– Это не велосипедик, а гроб на колесиках! Он сейчас тебя задавит!

– Ай, что ты делаешь? Ты шутишь, девочка?

– Я не девочка, я Злюка-Кузюка!

Хроники Параллельного Мира

1

Ну и денек сегодня выдался!

У меня угнали гроб на колесиках, и я не смог поехать в школу. А за дедушкой Вурдиком с утра гоняется его старая деревянная нога, и он целый день отсиживается у себя в комнате.

Двуголовик, ухажер и прихехешник моей сестры Русалки, ухитрился вчера вечером подраться с самим собой. Его правая голова, командующая правой рукой, поставила левой голове здоровенный фингал. Зато левая нога так пнула правую ногу в коленную чашечку, что вопль был слышен даже на Трупном болоте. В результате Двуголовик ходит с фингалом да еще и прихрамывает. А все ревность проклятая!

М-да, этот Двуголовик тот еще фрукт, недаром Ягге зовет его уголовным типом. Правая голова у него еще ничего, с ней можно иметь дело, зато левая – совсем тупая. Она иногда такую чушь ляпнет, что мы все с хохоту укатываемся.

Что касается моего брата Утопленника, то он подвергся нападению Полосатых носков. С носками-то он справился, но они позвали на помощь Корябалу. В результате Утопленник теперь выглядит очень скверно, даже хуже Двуголовика.

Ну да шут с ними, с этими родственниками! Меня больше волнует мой гроб на колесиках! Обнаружив, что его угнали, я ужасно разозлился. В прошлой жизни я не злился так даже тогда, когда у меня увели из-под самого носа новенький велосипед с шестнадцатью передачами!

Это уже пятый гроб на колесиках, который у меня здесь угоняют. О том, чтобы найти его потом, и не мечтай. Небось опять эти отвязанные оборотни постарались. Погоняют ночью другую, ведьмочек своих покатают, а, как кровь в баке закончится, об ограду разобьют или бросят в Порту, где раз в день причаливает ржавая баржа капитана Харона. Знаю я эти дела и оборотней этих знаю! Взять бы хорошую палку и по кумполу их, да разве им чем повредишь, мертвякам этим?

Внимательно осмотрев место, где стоял гроб, я отыскал на земле обрывок савана и клочок волчьей шерсти, что подтвердило мое первоначальное предположение. Собрав улики, я отправился к бабушке Ягге. Она, когда захочет, может отлично навести порчу.

– Ба! – пожаловался я. – Оборотни снова угнали у меня гроб! Уже второй раз за месяц мне приходится пропускать школу. Напусти на них порчу!

Однако я со своей просьбой заявился не в тот момент. Ягге была не в духе. Она как раз занималась тем, что подлатывала физиономию Утопленника. Пострадавший Утопленник стонал и гнал пессимизм. Кажется, на сегодня у него было назначено свидание с какой-то девицей из школы ведьм, и вот теперь приходилось откладывать его по крайней мере на неделю. Если, разумеется, он не предпочтет отправиться на свидание в таком виде.

– Ба, так ты напустишь на них порчу? – повторил я.

– Некогда мне! Иди к деду! Пускай он напускает! – огрызнулась Ягге.

Я обиделся и в самом деле пошел к деду, оставив Ягге возиться со своим хнычущим любимчиком.

Дедушку Вурдика я нашел в его комнате. Он сидел под склепом, и наружу торчал только кончик его балахона.

– Дед, ты что там делаешь? Вылезай!

– Ты один? – подозрительно спросил Вурдик.

– Один, один!

– Деревянная нога точно не с тобой?

– Точно.

– Тогда закрывай скорее дверь. Прочнее закрывай: на два заклятия. И смотри внимательно, не то она прошмыгнет.

Дедушка Вурдик, кряхтя, выбрался из-под склепа. Я невольно содрогнулся. Хотя я уже почти год здесь, никак не привыкну к тому, как выглядит мой старичина. В моем старом мире все хлопались бы в обморок, едва взглянув на него.

Папа у дедушки Вурдика был мифическим циклопом, пострадавшим от Одиссея, а мама – заурядной вампиршей. В результате получилось нечто в высшей степени невероятное: один огромный глаз на лбу и четыре страшных клыка. Добавьте к этому кучу морщин и редкую, как у Чингисхана, бородку, и вы поймете, что даже для Параллельного Мира, где ко всякому привыкли, мой дедульник выглядит довольно экстравагантно.

– Вчерась опять мне бока намяла. Подкараулила меня на полдороге к кладбищу. Если бы знакомый скелет не вступился, она бы меня совсем ухайдокала! – хмуро пожаловался Вурдик.

– Делать нечего, придется тебе идти с ногой на мировую. Она вообще-то у тебя неплохая, только излишне вспыльчивая, – сказал я.

– Что? Помириться?! Да я скорее тресну! Я дракона вызову, чтобы он ее сжег! Я на нее Красную Руку напущу! – завопил непреклонный дед.

С его бывшей деревянной ногой у него самые скверные отношения. С тех пор, как он полгода назад выбросил ее на помойку, она все время подкарауливает его и мстит.

Я попытался пожаловаться Вурдику на оборотней, угнавших мой гробульник, но дед меня даже слушать не стал. Он потрясал кулаками и крыл свою деревянную ногу на чем свет стоит.

На середине его тирады стекло нашей Многоэтажки на Тиранозавриных Лапах разлетелось вдребезги, и в комнату, пылая мстостью, влетела стоптанная деревяшка.

Воя, что он забыл наложить заклятье на окно, Вурдик полез прятаться под склеп. Вздвигнутая деревяшка устремилась за ним, а мне ничего не оставалось, как отправиться восвояси.

2

Сунув обрывок савана и клочок волчьей шерсти в карман в надежде, что позднее все-таки уговорю кого-нибудь разобраться с оборотнями, я вышел из дома. Многоэтажка на Тиранозавриных Лапах, скучая, топталась на месте. Возле одной из лап на асфальте виднелась красная лепешка: должно быть, ночью многоэтажка опять раздавила какого-нибудь незадачливого мертвяка, пытавшегося пробраться внутрь. Ободряюще похлопав Лапу по среднему когтю – выше никто бы не достал! – я отправился в Порт.

Я брел, что называется, куда глаза глядят, не имея определенной цели. Брел и размышлял. С одной стороны, мне было досадно, что у меня угнали почти новенький сосновый гроб с кистями и шестью скоростными колесиками, а с другой – я даже был рад, что появился повод не ходить в школу.

В Параллельном Мире, так называемом промежуточном мире между Раем и Адом, начинался очередной день.

По рельсам из грбовых гвоздей прогрохотал трамвай тринадцатый номер, который вел горбун с красными глазами. На железных гильотинках, красиво расставленных на остановках, мерцали синие огоньки. В черной машине с черными шторками, которую тащили три впряженных маньяка, спешили на работу Обдериха и Деревянная Баба. В своем домишке Кики-мора, высунув из окна бугристую голову, вытряхивала черную простыню.

Самая короткая дорога в Порт пролегла мимо кладбища. На земле, справа от ограды, за ночь появилось три красных пятна и одно черное. Я аккуратно обошел их – наступать в пятна было опасно. Это могло закончиться крупными неприятностями. Из одного пятна уже торчал сапог, а рядом валялся рыжий саван, похожий на те, что носят ночные охотники-упыри.

«Под ноги надо смотреть!» – подумал я.

Внезапно впереди послышался неприятный чавкающий звук. Я прижался к ограде. Еще секунда – и я бы опоздал. По тротуару, едва не задев меня, прокатилась огромная лысая голова. Это была печально известная Рожа – Костяная Кожа, с которой у нас мало кто решался связываться. Даже красные пятна и те поспешили убратся с ее дороги. Лишь черное пятно самонадеянно замешкалось и сурово поплатилось за это. Рожа – Костяная Кожа, облизнувшись, проглотила его и покатила дальше.

Я отошел от ограды.

На ступеньках обдиральни, дожидаясь, когда с кладбища привезут котлетки, сидели Жиж, Тетенька с красным лицом и Черный Череп. Они сидели и громкими голосами сплетничали про Оскаленного Мертвеца. Основная идея была в том, что с этим Оскаленным Мертвецом лучше не встречаться. Такие или похожие разговоры я слышал почти каждый день. У нас тут в Параллельном Мире много кого надо бояться. А когда боишься слишком многого, то вскоре как-то так выходит, что не боишься уже ничего.

Я прошел дальше, направляясь к скрипящим фонарям-виселицам. С кладбища дул тухлый ветерок. По небу со свистом проносились ступы с ведьмами. В болотцах и мелких озерцах плескались русалки и утопленники.

Из окна ближайшего дома послышалось чавканье. Осторожно отогнув захватанную, в подозрительных пятнах штору, я увидел людоеда Душилу-Потрошилу, имевшего в городе дурную репутацию. Душила-Потрошила сидел и жадно пожирал зелеными пальцами красные пельмени. Заметив меня, Потрошила поманил меня пальцем.

– Мальчик, кисанька, иди на перекусончик! Утю-тю, какая у меня есть штучка! – прохрипел он.

– Пятьдесят на пятьдесят, что приду, – сказал я. «Пятьдесят на пятьдесят» – это мое любимое выражение. Впервые я услышал его еще в человеческом мире и с тех пор с ним не расстаюсь.

Не поняв иронии, Душила разинул рот. Воспользовавшись его замешательством, я бросился наутек.

– А ну стой! Стой! Куда? – опомнившись, закричал Душила-Потрошила.

Взревев, он с досады метнул мне вслед пустую тарелку из-под красных пельменей. На лету тарелка попыталась срезать мне голову своими острыми краями, но я нырнул за столб, и, столкнувшись с ним, тарелка разлетелась вдребезги.

Из окна раздался разочарованный вопль Душилы-Потрошилы:

– Я найду тебя, мерзавец! Клянусь, я тебя убью!

Нельзя сказать, чтобы я очень испугался – тут вообще все подряд угрожают, – но на всякий случай взял это себе на заметку.

Обогнув ограду кладбища, я остановился. Вначале послышался скрежет трущихся костей, а затем навстречу мне строевым шагом промаршировал отряд скелетов с косами, только что вернувшийся из человеческого мира. Это там, на Старой Земле, думают, что Смерть

одна. На самом деле этих костлявых симпатяг довольно много, и все они неплохо знают свое дело.

– Рота, косы на плечо! По гробам шагом марш! – донесся из-под земли глухой хриплый голос, от которого на виселицах закачались истлевшие обрывки веревок. Этот глухой голос я слышал уже не раз. Ягге говорила, что он принадлежит Главной Смерти, которая распоряжается легионами младших смертей.

Подчиняясь приказу, скелеты целеустремленно затопали на кладбище, откуда навстречу им, блестя заточенными косами, уже выходил другой такой же отряд, направлявшийся в человеческий мир. Распираемые свежими силами, смерти обменивались шуточками и нетерпеливо позванивали косами.

В неуверенном, зыбком полете
Ты над бездной взвился и повис.
Что-то древнее есть в повороте
Мертвых крыльев, подогнутых вниз, —

недружно гнусили они скрипучими голосами.

Я раньше никогда не видел, как смерти ложатся в гробы, поэтому незаметно увязался вслед за первым отрядом и проскочил огненные ворота за секунду до того, как они захлопнулись.

Вообще-то заходить на территорию кладбища небезопасно. Можно запросто угодить в лапы к мертвякам, а уж если они кого затащат под землю, то назад дороги нет. Мне это было хорошо известно, и я отважился сунуться за ограду лишь потому, что надеялся, что в присутствии смертей, за отрядом которых я бежал, мертвяки не рискнут вылезать из могил. У нас всем известно, что смерти и мертвяки враждуют, и когда поблизости есть хотя бы одна смерть, они никогда не высунутся.

Почему-то я был уверен, что скелеты будут ложиться в гробы прямо здесь, у ограды, но обломался. Неожиданно отряд свернул на одну из боковых аллей. Я побежал за ним. Боясь отстать, я несся изо всех сил, а напахавшиеся на работе смерти трусили будто еле-еле, но все равно почему-то намного меня опережали.

– Эй! Вы куда! Не так быстро! – не удержавшись, крикнул я, но никто из смертей даже не обернулся.

Не прошло и десяти минут, а я уже едва различал блеск кос над их ребристыми спинами. Внезапно они все разом куда-то пропали, словно растаяли.

По инерции я пробежал еще шагов двадцать и остановился, потому что бежать было не за кем. Вокруг росли сплошной стеной ели, в корнях которых можно было различить раскroшившиеся древние надгробия и покосившиеся оградки. Я сообразил, что оказался в глухой и заброшенной части кладбища. И не только оказался, но и представления не имел, как отсюда выбраться.

– Вот те на! Вляпался ты, Кирюха! – озираясь, сказал я себе. И уже по одному тому, что заговорил сам с собой, понял, что психую.

Под землей нарастали неясные шорохи. Кое-где корни и надгробия уже начинали шевелиться. Сомнений быть не могло. Смекнув, что голодные мертвяки учуяли меня и сейчас вылезут, я бросился бежать напролом, не разбирая дороги.

– *Вернись! Не убегай! Ты наш, наш! Так хорошо быть мертвяком, так хорошо лежать в земле! Отдай нам свое мясо, свою кровь!* – на разные лады твердили бесцветные земляные голоса.

Я задевал за корни и ограды, спотыкался, падал, вскакивал и снова бежал. Мне чудилось, что костяные ладони мертвяков вцепляются мне в ноги. За спиной всего в нескольких шагах кто-то хрипел, пытаясь нагнать.

Вскоре я оказался в такой кладбищенской глуши, где не было даже тропинок. Старинные захоронения с белеющими известковыми и мергелевыми надгробиями громоздились тесными рядами, перегораживая проход. Я уже выбивался из сил, как вдруг увидел впереди огромный белый склеп, крышка которого была чуть приоткрыта, образуя достаточных размеров щель. Не размышляя, я нырнул в склеп и притаился.

«Ну и угораздило тебя, Петров! – мысленно обратился я сам к себе. – Мало тебе было из обычного мира попасть в Параллельный, ты и здесь ухитрился залезть куда не надо. Верно говорила бабушка, не здешняя, Ягге, а твоя земная бабушка Нина: дурная голова ногам покоя не дает!»

Я сидел в склепе и слушал, как вокруг ходят мертвяки. Я боялся не то чтобы пошевелиться, но даже и громко вздохнуть. Зрение у мертвяков неважное, особенно днем, зато слух превосходный.

– Где мальчишка? Слышишь, как стучит его сердце? – Сиплый голос раздался так близко, что все во мне сжалось.

С испугом я стал ждать ответа. Сердце прыгало у меня в груди как безумное – мне казалось, этот звук разносится по всему кладбищу. В этот миг я почти его возненавидел. Что за тупой механизм, почему он всегда стучит так некстати!

– Нет, не слышу, – ответил какой-то другой мертвяк, судя по голосу, находившийся с противоположной стороны склепа.

– И я не слышу, – согласился с ним первый мертвяк. – Похоже, мальчишка провалился в Черный колодец с железной крышкой. Пойдем, спустимся в него и убьем, пока это не сделали те, кто живет в колодце. Если они схватят его первые, то не поделятся с нами его мясом и кровью.

Голоса удалились. Мертвяки ушли, а я остался в склепе, размышляя, как мне повезло, что его толстые стенки заглушили все звуки. Но все равно положение мое было аховое: ведь стоило только отодвинуть крышку и высунуть из склепа нос, как мертвяки, топтавшиеся поблизости во множестве, вновь учуяли бы меня.

Я сидел в склепе, положив подбородок на колени, и размышлял о своей недолгой жизни. Все мои многочисленные неприятности всплывали в памяти одна за другой, вплоть до самой большой – из-за которой я и оказался в Параллельном Мире.

Случилось это в последний день четвертой четверти, в самый радостный и долгожданный день года...

3

С пятого урока нас тогда отпустили. Как сейчас помню, это была география.

– Какие могут быть занятия? Вы все небось только о каникулах и думаете, – грозно нам пухлым пальцем, сказала географичка Антонина Евгеньевна.

Она была очень толстой и очень доброй. Самой толстой и доброй учительницей в школе. Настолько доброй, что на ее уроках все шумели, никто ничего не слушал, а она только хлопала глазами и повторяла: «Подростки, не надо! Подростки, прошу вас: тихо!» Так она и говорила «подростки». Дурацкое какое-то слово...

Теперь я часто размышляю, почему последним уроком была именно география? Будь, к примеру, последней алгебра, то Гипотенуза, наша математичка, мурыжила бы нас до последней секунды и я не попал бы в Параллельный Мир.

Я так спешил домой, чтобы посмотреть, что мне подарят на окончание четвертой четверти, что, перебегая дорогу, не глядел по сторонам. Самое обидное, что и дорога-то была не широкая, почти замухрыжистая, и автомобили по ней ездили редко.

Удара я не почувствовал. Не успел даже заметить, какой марки и цвета была сбившая меня машина. Даже не знаю, была ли это легковушка или грузовик. Помню только сумасшедший визг тормозов, а потом я лечу по воздуху и на одно мгновение передо мной вспыхивает летнее небо с ярким желтым шаром солнца.

Еще помню, что я лежу – даже не лежу, а плаваю – в кромешной темноте и слышу, как звучат надо мной два голоса. И, хотя я ничего не вижу, но все равно знаю, что это спорят два огромных орла – белый и черный.

– Что это? – спрашивает белый орел.

– Разве не видишь, мальчишка, – отвечает черный.

– Я не о том. Откуда он здесь взялся? Вы послали за ним смертей?

– Не-а, он вообще не должен был умереть. Эти курносые дурынды опять косят кого придется, – отвечает черный орел.

– Смерти не могут скосить не того. За десять миллиардов лет, что существует Вселенная, они не допустили ни одной ошибки.

– Ха! Ни одной ошибки! Это они так говорят! Если его убили не смерти, тогда вмешалась Красная Рука. Только она может отнимать жизнь, не прибегая к помощи смертей.

– Красная Рука? Опять она лезет не в свое дело! И как же теперь с ним поступить? Я бы отнес его в Рай, но не могу: у меня нет пера с его именем! – говорит белый орел.

– И у меня нет пера с его именем. Значит, и в Аду его не ждут, – сердится черный орел.

Неспособный подать голос, я лежу в пустоте и жду, как решится моя судьба. Орлы растеряны и раздражены. Они хлопают крыльями и улетают, но вскоре белый орел вновь возвращается.

– Я не могу бросить тебя здесь. Какой же я после этого посланец Рая? Человек, ты слышишь меня?

Я хочу ответить, что слышу, но не могу.

– Не напрягайся, я вижу, что слышишь. Я отнесу тебя в Параллельный Мир и не буду стирать тебе память. Это все, что я могу для тебя сделать.

Я слышу тяжелые удары крыльев по воздуху и понимаю, что орел несет меня. Я пытаюсь крикнуть, вырваться, но не могу ни того ни другого.

Следующее, что я смутно припоминаю, – огромную ржавую баржу, швартующуюся в мрачном порту.

И снова провал.

4

А потом я вдруг обнаружил, что сижу на берегу затянутого ряской болотца. Сажу в своем прежнем теле. Помню, я даже удивился, что оно совсем не пострадало, когда меня ударила машина. «А может, ничего и не было? Но тогда как я здесь очутился?» – озадачился я.

Внезапно ряска раздвинулась. Из болотца вылез молодой человек с синей кожей и длинными мокрыми волосами, в которых запуталась тина.

Там, знаю, ужас обитает,
И нет людского там следа —
Но сердце точно отвечает
На чей-то зов: «Туда! Туда!» —

декламировал он, картинно заламывая руки. Неожиданно синий человек заметил меня. – Эй, ты кто? Новенький, что ли? Давай знакомиться! Я Утопленник, поэт! – сказал он, направляясь ко мне.

– Я... я... – Я мучительно стал вспоминать, удивляясь тому, что не помню даже, как меня зовут. Вначале у меня ничего не выходило, но потом все вдруг разом всплыло в памяти. Я сжал руками виски. На миг мне почудилось, что голова у меня раздувается как шар и раскалывается. Но внезапно память вернулась. – Я Кирилл. Кирилл Петров! – почти крикнул я.

– Ого! – удивился Утопленник. – Не врешь? Правда, Кирилл Петров?

– Правда! – ответил я возмущенно. Конечно, я не ботан, но уж имя-то свое за четырнадцать лет успел выучить!

Утопленник пораженно разглядывал меня. Его бугристый нос сочувственно голубел.

– Ты помнишь свое старое имя! – сказал он восхищенно. – Здесь никто не помнит своих имен, все придумывают новые. Ты как погиб?

– Дорогу переходил.

– А-а... – разочарованно протянул юноша. – А я почему-то решил, что ты тоже от любви утопился. Ну да ладно. Пойдем, я отведу тебя в твою новую семью.

– В мою новую семью? У меня же есть семья! – удивился я.

«Вернее, была... Что теперь чувствует мама? А отец?»

Я поспешил прогнать эти мысли.

– У нас в Параллельном Мире такой обычай: кто первый встречает новенького, становится его проводником. По дороге, смотри, будь осторожен. Параллельный Мир – не парк развлечений, здесь зевать нельзя. Любая неосторожность – и все: либо мертвяк заглохнет, либо красное пятно сожрет. Со временем, я уверен, ты смекнешь, что к чему, а пока на всякий случай бойся всего подряд... – довольный своей шуткой, Утопленник хихикнул.

Хихикал он довольно часто, что совершенно не вязалось с его обликом несчастного поэта. Вскоре мы вошли в Многоэтажку на Тиранозавриных Лапах и сели в черный лифт с висельным приводом.

– Знакомься: это бабушка Ягге и дедушка Вурдик! А это Кирилл Петров, ваш новый внук! – заявил Утопленник, подводя меня к сгорбленной старухе и одноногому циклопу с вампирскими клыками.

Колоритная была парочка. Я не мастак описывать, но уж можете мне поверить.

– Чу-чу, русским духом пахнет! – покосившись на меня, проскрипела Ягге.

Тогда, помню, она показалась мне более суровой, чем была на самом деле.

– Да ладно тебе, старуха! Садись, парень, жевать красные котлетки! Сегодня утром накопал, – радушно пригласил Вурдик.

Так я впервые встретился с ворчуньей Ягге и ее добряком-мужем, ставшими моими здешними бабушкой и дедушкой.

От котлеток я, впрочем, отказался. Желания как-то не было есть эту мерзость. Впрочем, о вкусах не спорят, особенно с циклопо-вурдалаками. Если с ними спорить, они могут потерять последнее чувство юмора, а это само по себе нежелательно.

Если вы, разумеется, не хотите, чтобы вас сгоряча сожрали. Конечно, потом они станут переживать по этому поводу, но ничего уже вернуть не смогут. Это факт, а против факта не попрешь.

5

Смеркалось. По небу бродили сизые тени. Скрипели могильные оградки, дрожали надгробия. Кладбище постепенно оживало, готовясь к ночной жизни. Теперь и думать нельзя было о том, чтобы выйти наружу.

Ссутулившись в холодном склепе, я вспоминал, о чем рассказывала Ягге. Единственное время, когда мертвецы здесь сидят по гробам, – от первых петухов до полудня. А раз так, придется ждать рассвета. Раньше сбежать с кладбища не удастся.

Обнаружив сбоку склепа небольшое отверстие, образованное выкрошившимся камнем, я прильнул к нему и стал наблюдать.

Едва пробил полночь, как земля разверзлась и из нее выскочили два гроба. Крышки гробов распахнулись, и оттуда вылетели четыре руки. Вначале руки поздоровались между собой, а затем вновь нырнули в гробы и выволокли оттуда два туловища. На туловища они насадили головы, прилепили куда надо ноги, а потом и сами прыгнули на место.

Я увидел двух мертвецов. Один из них был лысый и жирный, а другой – тощий и старый, с козлиной бородкой.

– Ты как умер? – спросил жирный мертвец.

– Меня на войне убили. А ты как?

– А меня подвальный мертвец задушил. Пошел я в пятницу, 13-го, в подвал. А он сидит в углу в медном шлеме. Набросился на меня и задушил.

– Ну и глупо! Мог бы и не умереть. Надо было сбить с подвального мертвеца медный шлем на пол. Он бы принялся шлем искать. А ты бы его первым схватил да на голову себе нахлобучил. То шлем особенный. Кто его наденет да два раза повернет – невидимым становится.

– Да, – сказал жирный мертвец. – Жаль, что я не догадался. Да что теперь поделаешь? Отсюда же, из Параллельного Мира, не сбежишь.

– Что верно, то верно: не сбежишь, – озираясь, прошамкал старик. – Есть, правда, один способ, да вот только... Ты про Красную Руку что-нибудь слышал?

Подавшись вперед, я напряг слух.

– А то как же! Слышал!

– То-то и оно. В Параллельном Мире нет ничего страшнее Красной Руки. Даже наш повелитель Оскаленный Мертвец рядом с ней – младенец. Кого она невзлюбит, того в землю вонмет, на части разорвет, мозги выпьет, жизнь высосет. Кто ее видел – трех дней за свете не прожил.

– Это мне известно, – кивнул жирный мертвец.

От этого кивка голова у него едва не отвалилась, но он вовремя придержал ее.

– А знаешь ли ты, что есть у Красной Руки пять отрубленных пальцев? Разбросаны эти пальцы по всему Параллельному Миру. Надо их вместе собрать и вложить в отверстия в Ледяном Камне. Тут Ледяной Камень треснет, и откроется лестница в человеческий мир.

– А сколько пальцев надо собрать? Все пять?

– Никто этого не знает. Болотная ведьма говорит, что достаточно будет и двух. Да только я ей особенно не доверяю. По-моему, нужны будут все пять. К тому же и два пальца никак не соберешь. Их охраняют самые грозные монстры. Красная Рука никому не позволит из Параллельного Мира вырваться.

– А ты знаешь, где эти пальцы лежат? – спрашивает жирный мертвец.

– Я только про один палец знаю. Говорила мне болотная ведьма, что видела она указательный палец на дне Черного колодца. Только когда в колодец спустишься, нужно сразу...

Окончания фразы я не расслышал. Внезапно загрохотал гром, ударила молния, и голубой свет залил склеп. Случайно я прочитал на крышке стершиеся буквы, которых отчего-то не заметил днем.

Эта надпись являла собой предупреждение. Эдакое милое письмецо, сообщавшее:

«Добро пожаловать, милые гости! Только, кхе-кхе, имейте в виду: кто ляжет в мой склеп – останется в нем навеки!»

Оскаленный Мертвец».

Мне стало жутко. Так вот в чьем склепе я проторчал весь день! В склепе Оскаленного Мертвеца – повелителя всех мертвых, о котором сплетничали сегодня в очереди за котлетами. А еще сдуру решил, что склеп заброшен.

– Толстяк, ты видел молнию? Слышишь, как земля трясется? Оскаленный Мертвец возвращается с охоты, идет отдыхать в свой склеп! – прерывая свой рассказ, испуганно воскликнул старик. – Я хоть и не живой уже, а не хочу с ним встречаться. Эй, руки, разберите меня!

– И меня разберите! Скорее, скорее! – в панике закричал жирный мертвец.

Руки торопливо сдернули с них головы, открутили ноги, сложили туловища в гробы и сами сверху прыгнули. В следующую секунду я увидел, что гробы провалились сквозь землю. Непривычная тишина воцарилась на кладбище. Смолк отдаленный гул голосов, смолкли стоны и шорохи. Слышно было лишь, как дрожит земля под чьей-то тяжелой поступью.

Сообразив, что встреча с Оскаленным Мертвецом, в чье жилище я забрался, не сулит ничего хорошего, я попытался выбраться из склепа, но почему-то никак не мог отвалить камен-

ную крышку. Шаги между тем становились все отчетливее: я слышал уже даже громкое сопение, вырывающееся из ноздрей у повелителя мертвецов.

Тогда, обдирая бока, я принялся протискиваться в узкую щель между крышкой склепа и его краем. Заработав кучу ссадин, я кое-как вылез, сполз на землю и со всех ног кинулся бежать.

Я мчался в голубоватом лунном сиянии, не разбирая дороги. Мчался и чувствовал, как дрожит и вибрирует земля под ногами. По лицу меня хлестали ветки, колючки репейника, пытаюсь удержать, цеплялись за одежду, совы ухали мне вслед с елей. Мне мерещилось – а кто знает, может, и не мерещилось, – что Оскаленный Мертвец несется за мной, стучит костями, щелкает зубами.

Сам не знаю, как я добрался до кладбищенской ограды. Должно быть, мне повезло и я случайно взял правильное направление. Перемахнув через ограду, я спрыгнул и едва не угодил в одно из свежих черных пятен, расплзшихся по асфальту. Черные пятна любят охотиться ночью.

Но мне было уже не до черных пятен. Проскочив опасный участок, я бросился бежать по улице и, только влетев в нашу Многоэтажку на Тиранозавриных Лапах, сумел перевести дух.

Ягге и Вурдик сидели за столом и пили чай с подозрительно красным вареньем. Железная челюсть Ягге нетерпеливо подпрыгивала на столе и лязгала зубами – клянчила печенье.

Голова у Вурдика была забинтована, а поверх бинтов надета еще оранжевая строительная каска. Должно быть, Вурдик готовился к очередному налету своей буйствующей деревяшки. Рядом топтался Утопленник, такой же унылый, как и его четверостишья. В кресле-качалке, капризно надув губки, сидела Русалка и томно обмахивалась хвостом, а ее прихехешник Двуголовик, успевший уже с ней помириться, обливал ее водой из лейки. Без воды Русалка вечно персыхала, отчего становилась еще капризнее.

Когда я вошел, Двуголовик, озадаченно моргая, уставился на меня.

– Гутен морген, Кирюх-паша! Бю, типа того, челом. Вэ из ё шуз? – поинтересовалась его правая голова.

– Чего-чего? – переспросил я.

– Не парлеву?

– Не парлеву! – подтвердил я.

– Раз не парлеву, тогда по-простому: «Где твой ботинок, кореш?»

– Слышь, братан! Он его, в натуре, Полосатым Носкам на белые тапочки променял! – заявила левая тупая голова, и обе головы залились таким идиотским ржанием, услышав которое любая земная лошадь откинула бы от зависти копыта.

Не понимая, над чем они хохочут, я посмотрел на свои ступни и запоздало сообразил, отчего мне было так сыро бежать. Мой правый ботинок остался в склепе Оскаленного Мертвеца.

Я почувствовал головокружение. Ноги стали ватными. Повелителю мертвецов не понравится эта находка, а нюх у мертвецов отличный.

«Кто ляжет в мой склеп – останется в нем навеки!» – вспомнил я надпись на камне. И это была не простая угроза. Скоро Оскаленный Мертвец придет за мной. Его не остановят ни кладбищенская ограда, ни мощные Тиранозавринные Лапы нашего дома.

Глава II

ХРУСТАЛЬНАЯ КУКОЛКА

Рыщет по лесу в поисках добычи голодный людоед, вдруг видит: лежит под дубом маленький беззащитный бутербродик. На бутербродике – надпись: «Бутерброд с поросенком». «Вот славно! Сейчас слопаю!» – думает людоед.

Подошел он к бутербродику, разинул пасть, а бутербродик в тот же миг – раз! – подпрыгнул и проглотил людоеда.

Лежит под дубом маленький бутербродик, а на нем надпись: «Бутерброд с людоедом».

Хроники Параллельного Мира

1

Во сне я опять видел Старую Землю. Мне грезилось, что сегодня первое сентября и мама, бабушка и отец провожают меня в школу. Мама озабоченно приглаживает мне вихры: «Кирилл, в кого у тебя такие волосы? Просто пружины!» Отец строго бурчит что-то про стрелочки на брюках, а бабушка пытается всучить мне огромный, как веник, букет гладиолусов. «Да ну его! – сержусь я. – Что я, первоклассник?» – «Ну как же без цветов!» – пугается бабушка и все-таки всучивает мне его. Переупрямить мою бабушку так же сложно, как переехать танк.

Потом я иду в школу и размышляю, что сейчас увижу наших ребят. Интересно, сильно ли они изменились за лето? И вот в тот самый миг, когда я вот-вот должен повернуть за угол и бросить взгляд на школьный двор, кто-то начинает энергично трясти меня за плечо.

Помню, мне страшно не хотелось просыпаться, но, увы, сон уже ускользнул. Я открыл глаза и увидел совсем рядом два желтых зуба, крючковатый, весь в буграх, нос и седые спутанные волосы. Если бы это морщинистое, с сердитыми бровями лицо привиделось мне, скажем, год назад, в человеческом мире, я вполне мог бы сделаться зайкой. Однако теперь я ограничился лишь тем, что зевнул и сказал:

– С добрым утром, Ягге!

Ягге что-то проворчала про «доброе утро». Старушка, хоть сама и была доброй, по старой привычке терпеть не могла этого слова.

– Опять Земля снилась? – проницательно спросила она. Я подозреваю, что Ягге умеет читать мысли, правда, она клянется в обратном.

– Да, – кратко ответил я, ощущая подозрительное пощипывание в глазах. Но лишь на миг – потом я взял себя в руки.

Ягге ободряюще погладила меня ладонью по щеке, шепнула что-то, и остатки сна улетучились.

– Кончай бока отлеживать, Кирюха! Бери ноги в руки и марш в школу!

– Не-а, не поеду! – хитро зевнул я. – Ты забыла, что у меня гроб угнали? А ты мне что вчера сказала?

Вокруг глаз у Ягге появились добродушные лукавые морщинки. Глаза у суровой старухи были особенные – почти круглые, размытого серого цвета, с небольшими светлыми крапинками.

– Думаешь, жалко мне тебя? Жалко у пчелки! Вернула я тебе твой гробульник, – проворчала старушка.

– Как вернула? – недоверчиво переспросил я.

– Обратни сами его привезли.

– САМИ?! – поразился я.

– Ну почти сами. Я только их слегка усовестила, – дружелюбно проскрипела Ягге и, опираясь на клюку, захромала к дверям.

Пораженный, я уставился на бабушку. До сих пор мне не приходилось слышать, чтобы обратни кому-то что-то возвращали. Скорее уж мерзляки отогреются или Душила-Потрошила перейдет на морковные котлеты. Однако Ягге я верил: она слов на ветер не бросает.

Старушка уже открывала дверь, когда из недр нашей квартиры донесся звук, будто кто-то поддал ногой железное ведро.

– Это у деда Вурдика? – спросил я.

Ягге в сердцах плюнула.

– А ну его, окаяшку! Чтоб ему сгинуть!

– Опять деревянная нога буянит? – забеспокоился я.

– Таперича он сам буянит, мерин старый! Вот напушу на него Боли-Бошку, будет тады знать! – пригрозила Ягге.

Отношения дедушки Вурдика и бабушки Ягге были далеко не сахарными. Однако я убежден, что, даже ссорясь по десять месяцев в году, они любили друг друга.

Я быстро оделся, вышел из комнаты и сразу оказался в дремучей еловой чаще. В воздухе висел запах древесной гнильцы и сырости. Сослепу врезаясь в стволы, с глухим уханьем пролетел филин. В спутанных ветвях, пристально следя за мной, горели желтые недружелюбные глаза. Отчего-то я подумал, что это лешак Злюка-Кузюка, хотя никогда прежде его не видел. Возможно, я просто сел на его телепатическую волну, здесь такое бывает. Издалека доносился короткий хищный взлай волчьей стаи, преследующей добычу.

То, что все это творилось не где-нибудь, а у нас в коридоре, не особенно меня удивило. Дедушка Вурдик и раньше, приняв на грудь больше обычного, устраивал протечки пятого измерения.

Мне казалось, что я изучил Вурдика как облупленного, и он уже ничем не сможет меня удивить, но ничего подобного. Заглянув в комнату к моему старику, я оцепенел. Дед Вурдик, багровея носом, сидел в обнимку со своей деревянной ногой и громко распевал разбойничьи песни новгородцев-ушкуйников. Изредка проскакивали и более современные мотивы, времен победоносного шествия Вурдика в составе Первой Конной.

Деревянная нога отстукивала деду ритм, колотя по валявшейся на полу строительной каске и куче пустых бутылок. Из всего увиденного следовал вывод, что дед Вурдик и его нога наконец помирились и на радостях отметили этот факт небольшим возлиянием.

– Иди к нам, Кирюха! Споем про нашего удалого атамана Ваську Буслаева! – закричал мне дед.

С Васькой Буслаевым мой дед был знаком очень коротко. Лучшие кореша были, выражаясь языком Двуголовика. А вот с Ильей Муромцем у дедульника нередко происходили контры. Как-то Илюша даже высадил моему деду зубы. Впрочем, это было давно: тогда Вурдик еще не распрощался с некоторыми своими вредными привычками и был известен больше как Соловей-разбойник.

2

На улице я тотчас увидел свой гроб на колесиках, стоящий между Тиранозавриными Лапами. Возле гроба робко переминались два поросших шерстью оборотня самого уголовного пошиба. Увидев меня, оборотни разом упали на колени и, не жалея лбов, стали колотиться ими об асфальт.

Обойдя их, я придирчиво осмотрел гроб. Выглядел он скверно: один бок был ободран, колеса вихляли, да и все прочие части выглядели так, словно ими колотили кого-то по башке. Похоже, моему угнанному гробульнику пришлось поучаствовать в разборке.

– Сними сглаз, братишка! Сил нет терпеть! – взмолились оборотни. Кажется, они полагают, что это я напустил на них сглаз.

Внезапно лица у обоих приобрели мученическое выражение. Они стали шумно чесаться и безостановочно чихать. И чиханье, и чесотка продолжались минуты две. Обратни подпрыгивали от чихов и, сопя, скребли кожу короткими пальцами.

«Так вот отчего они «усовестились»!» – подумал я. Повезло мне с бабушкой Ягге! В Параллельном Мире ее уважают, шепчутся, что когда-то она входила в расформированный пантеон языческих богов. Под именем Бабы Яги Ягге ухитрилась попасть даже в русские народные сказки. И это при всем том, что сама Ягге не любила, когда при ней упоминали об этой части ее биографии. «При чем тут костяная нога? Почему костяная нога! У меня обе ноги нормальные. Это, должно быть, тому, кто сказку придумал, Вурдик запомнился».

– Кабы мы знали, что так будет, то разве взяли б твой гробульник? Лучше всю жизнь пешком ходить! – остервенело чешась, всхлипнул один из обратней.

Надев шлем, я оседлал крышку гроба, завел его и выехал на дорогу. Гроб скрипел, крышка подпрыгивала, но я чувствовал, что моя машинка не утратила своей прежней резвости.

Оборотни, чихая, кинулись следом.

– Куда, братишка?! Когда сглаз снимешь?

– Это придется еще заслужить! – крикнул я, пришпоривая гроб пятками.

Я решил, что помощь обратней мне еще потребуется, особенно если придется иметь дело с Оскаленным Мертвецом или Красной Рукой. Нужно только выяснить у бабушки Ягге освобождающее заклинание.

Впрочем, с этим можно и не спешить. Хорошенько почесаться им не повредит. Только грязь с себя соскребут.

3

Если вы когда-нибудь гоняли на гробульнике с колесиками, то отлично представляете, что это примерно то же самое, что мчаться на мотоцикле. Вы сидите сверху гроба, свесив ноги, и подгоняете гробульник, колотя его пятками или кулаком по крышке. Разница только в том, что у мотоцикла вы держитесь за руль, а у гроба держаться совершенно не за что и при крутом повороте приходится то хвататься за кисти, то плюхаться на крышку животом, что страшно неудобно.

Несмотря на это неудобство, я ухитрился гонять на своем гробу целыми днями и заработал себе прочную репутацию гробайкера. Наблюдая за тем, как рискованно я езжу, Вурдик не раз предупреждал меня:

– Смотри, Кирюха, свернешь себе шею – отправишься к мертвякам! Я тогда еще дешево отделался!

Вурдик и сам в свое время был крутым гробайкером, но как-то на гололеде потерял управление и прямиком влетел под трамвай тринадцатый номер, которым управлял горбун с красными глазами. Это столкновение закончилось крайне неблагоприятно для его правой ноги, оставшейся на рельсах. Разумеется, я имею в виду его родную правую ногу, а не деревяшку, которая тогда еще была скромной осиной, росшей на могиле удушенника.

Лихо огибая черные, желтые, красные и прочие пятна, увертываясь от жердяков, долгоносов-кросососов и Рожи – Костяной Кожи, я промчался мимо кладбищенской ограды. На перекрестке я чуть притормозил, пропуская автобус с красными шторками, и, решив срезать угол, свернул к Порту.

Подскакивая на рытвинах, мой гробульник бодро катил мимо доков и замерших подъемных кранов. У самого начала длинного моста через залив он вдруг зачихал и заглох. Удивленный, я слез, откинул крышку и обнаружил, что эти пройдохи обратни, возвращая мне гроб, долили бак морской водой. А я-то еще удивлялся, что он полный!

«Вы у меня почешетесь! Эта водичка вам не раз чихнется!» – пообещал я. Но так или иначе делать было нечего.

Прицепив к гробу длинную лямку, я забросил ее за плечо и поволок его через мост к ближайшей заправке. Дотащив его примерно до середины моста, я остановился отдохнуть и бросил взгляд на Порт. Баржа Харона, доставившая очередную партию неприкаянных душ, была пришвартована к одному из причалов.

Как сильно я когда-то мечтал пробраться на эту баржу и удрать на ней в свой мир! Сколько ночей я бродил мимо портовых причалов, шнырял по ремонтным докам и прятался между контейнерами, надеясь незаметно прошмыгнуть на борт! Но увы! Харон перевозит только в одну сторону. Если какая-то дорога из Параллельного Мира и существует, то пролегалает она не через ржавую баржу.

«Новые бедолаги прибыли! Каково им теперь?» – подумал я и вновь взялся за лямку, но тут вдруг услышал снизу, где были сваи, мелодичный хрустальный звон. Не понимая, откуда он может исходить, я огляделся и увидел в разрыве перил зигзагами идущую вниз железную лесенку. Осторожно спустившись по ней, я оказался на скользкой площадке, сваренной из металлических прутьев. Внизу, набегая волнами, плескала вода залива.

4

На краю площадки, свесив к воде ноги, сидела девочка в светлой куртке без капюшона. У нее были длинные соломенного цвета волосы. Это было все, что я тогда успел заметить. Помню, я еще подумал, что никогда раньше ее не видел.

День-день! День-день! Дзззиши! Согрей меня, поиграй со мной, мне холодно!

К девочке, производя негромкий чарующий звон, двигалась маленькая хрустальная куколка. Незнакомка смотрела на нее как замороженная. Меня она не замечала. Когда я ступил на площадку, куколка была от нее уже не дальше, чем в метре. Ее хрустальные ножки переступали на носках крошечными, точно балетными, шажками. Алые капризные губки были сложены бантиком. В куколке не было ничего настораживающего – напротив, ее хотелось взять в руки.

Сам не знаю, что заставило меня забить тревогу. Должно быть, все было слишком уж хорошо, так хорошо, как здесь никогда не бывает.

– Не дотрагивайся до нее! Берегись! – завопил я идиотским, срывающимся голосом.

Услышав мой крик, девочка подняла голову и заметила меня. Взгляд у нее был доверчивый и непонимающий. *Кого мне бояться? Разве тут есть что-то опасное?* Хрустальная куколка, торопливо семеня, поспешно протянула к девочке руки.

– Не трогай ее! Прочь!

Видя, что уже не успеваю подбежать, я запустил в куколку единственным, что оказалось у меня в руках, – своим шлемом. Бросил так, как пускают кегельные шары. Шлем, подпрыгивая, прокатился по металлическим прутьям. Удар оказался точным. Куколка, не успев увернуться, разлетелась вдребезги.

– Зачем ты ее разбил? Зачем? – с укором воскликнула знакомка.

Не отвечая, я растерянно стоял и смотрел, как шлем зачерпывает воду и медленно идет ко дну. В тот момент я скорее проглотил бы язык, чем сумел бы объяснить свой поступок. Девочка с волосами цвета соломы смотрела на меня с омерзением и брезгливостью, как смотрят на паука или на выбежавшую из-за плиты мышь.

Я ощутил себя виноватым. Кажется, я перестраховался и разбил совершенно ни в чем не повинную куколку. Разводя руками в том жесте, которым просят прощение, я шагнул к девочке, а она отпрянула от меня.

Внезапно разбитые части куколки пришли в движение. Ее маленькая круглая голова стремительно покатила ко мне. Глаза кроваво вспыхнули. Пухлые, бантиком сложенные губы раздвинулись, и мы увидели мелкие треугольные зубы, скользящие, точно зазубрины бензиновой пилы. С острых зубов капал яд.

Не докатившись до моей ноги нескольких сантиметров, голова провалилась в щель между прутьями, упала в воду и утонула в заливе. Через несколько секунд, когда голова, вероятно, коснулась дна, остальные осколки куколки затряслись и исчезли.

5

Девочка с соломенными волосами побледнела и, словно защищаясь, подняла руки к груди. Из ее горла вырвался вскрик.

– Почему? Почему? Откуда взялся этот мост? Эта кукла с ядовитыми зубами? Где я? – крикнула она растерянно. Кажется, она давно уже боролась с собой, не в силах найти ответ.

Ощувив жалость, я приблизился к ней. Я уже начал догадываться, в чем дело, но чтобы убедиться, сказал:

– Я Кирилл Петров. А тебя как зовут?

Этот вопрос у нас всегда задают новопривывшим. На лице девочки появилась растерянность, потом страх. Тех, кто впервые оказывается в Параллельном Мире, всегда поначалу пугает, что они потеряли память.

«Я правильно определил. Ее привез Харон с последней баржей», – решил я.

– Я ничего не помню... Ничего... Кто я? Откуда? Как зовут?

Поднимая руку, чтобы вытереть глаза, девочка заметила на тыльной части ладони глубокую царапину. Она застыла, разглядывая ее.

– Это тебя куколка? – спросил я с беспокойством.

– Нет... не куколка... Это... Я с ним играю, а он... Египет... – выговорила она на одном дыхании и вдруг замолчала, испуганная этим вырвавшимся внезапно словом.

– Какой Египет? Страна?

– Страна? – переспросила она непонимающе. – Спорим, что не страна? Египет – это... Кто это? Почему я не могу вспомнить? Почему?

В ее голосе вновь звучала паника. Но я уже знал: чтобы распутать клубок, достаточно один раз поймать нить. Не похоже, что ее память стерта. Те, у кого она стерта, не помнят совсем ничего.

– погоди, не нервничай! – сказал я. – Давай по порядку. Ты увидела царапину. Сказала, что играла с кем-то, а Египет... В этот момент кто-то приехал из Египта? Так? Или позвонил оттуда? Вспомни, ведь так все и было!

Взгляд девочки все еще был прикован к ладони.

– Египет... царапина... – бормотала она, не слыша меня. – Что-то острое и загнутое, он бьет... Больно... «Что ты наделал? А ну, брысь!» Брысь?... Боже! Египет – так зовут моего кота! Рыжего кота... У меня есть кот!

Девочка стиснула руками виски, словно пыталась спасти голову от внезапно нахлынувших воспоминаний. Этот жест уже был мне знаком. Я ждал. Мне было ясно, что плотину прорвало. Произошло невероятное. Сколько раз Утопленник, Русалка и Двуголовик пытались вспомнить, кем они были в той жизни... Бесполезно! А она вспомнила все.

– Я Настя. Настя Чурилова. Я живу в Казани. Мне тринадцать... нет, уже четырнадцать лет... Исполнилось совсем недавно. Я хорошо помню свой день рождения. Мне подарили льняной сарафан и новую клавиатуру для компьютера... Потом помню длинный стол, лампы... Мне прикладывают ко рту маску и велят считать от двадцати назад. Я считаю, но почти сразу

начинаю сбиваться... Вижу голубую воронку, она быстро вращается. Меня затягивает... Чей-то голос кричит: «Мы теряем ее! Сердце останавливается! Адреналин! Вкальвай адреналин!»

– А потом?

– Надо мной нависло что-то грозное, бесформенное. Рука без пальцев... Мне страшно, противно. Потом оно исчезает, и я вижу... нет, не вижу... чувствую двух птиц. Они не знают, куда меня нести, и кого-то ругают... Черная птица говорит, что это уже второй такой случай... Еще она говорит про свои перья, на которых не записано мое имя. Белая птица берет меня и несет... Что это за место? Где мы? В каком городе?

Девочка с волосами цвета соломы озадаченно посмотрела на фиолетовые воды залива и нависший над нами мост. Я еще порадовался, что отсюда не виден мой гроб на колесиках. На непривычного человека он производит отталкивающее впечатление. Мне и самому, когда я не был еще завзятым гробайкером, не одну неделю пришлось привыкать к такому средству передвижения.

– Это никакой не город.

Настя недоверчиво сдвинула брови.

– То есть как это не город?

– Это Параллельный Мир. То бесформенное без пальцев, должно быть, Красная Рука. Значит, твоя гибель была преждевременной. Ты вообще должна была остаться в живых.

Я ожидал какой угодно реакции, слез, ужаса, но то, что выдала Настя, меня поразило.

– В Параллельном Мире? Спорим, что мы не в Параллельном Мире! – выпалила она.

– Как это не в Параллельном? – озадачился я, не понимая, что она этим хочет сказать.

Настя обвела взглядом фиолетовую воду залива, ржавую пристань, ветхую баржу Харона, фонари, раскачивающиеся на виселицах. Во взгляде ее появилось недоумение и одновременно ужас. Она поняла, что я не вру, поняла, что случилось с ней.

– Ну и что, пускай даже в Параллельном! Что ты этим хочешь доказать? – упрямо заявила она.

Я понял, что судьба свела меня со спорщицей. Спорщицей уникальной. Феноменальной. Спорщицей, которая спорит с кем угодно и по какому угодно поводу, которая будет противоречить и утверждать противоположное, даже падая с двадцатого этажа. При всем том голос Насти звучал уверенно. Это меня порадовало. Значит, паника уже позади. Девочка взяла себя в руки.

– А ты? Как ты сюда попал? – спросила она.

– Помнишь, черная птица говорила, что это уже второй такой случай?

Настя вздрогнула и пристально взглянула на меня.

– А кто первый? Неужели ты?

Я кивнул.

Глава III КАРАМОРА

Одному мальчику подарили черную тетрадь и черную ручку. Ночью мальчику приснилось, что из черной тетради выходит огромное черное чудовище.

– Не пиши в черной тетради черной ручкой слово «Карамора» или я выскочу и задушу тебя! – пробасило чудовище.

Утром мальчик вспомнил сон и, не удержавшись, написал в черной тетради «Карамора», но только не черной, а зеленой ручкой. Тотчас из тетради выскочила крошечная зеленая букашка.

– Ты фто издефаешься? В кого ты меня превратил! – прошипела она.

«Чудовище из тетради»

1

– Я возьму тебя к нам. Надеюсь, Ягге и Вурдик согласятся быть твоими бабушкой и дедушкой, – сказал я.

– Спорим, не согласятся? – по привычке выпалила Настя. – Зачем это согласятся? С какой стати?

По тому, как она это спросила, я сообразил, что у нее на Земле остались любящие бабушка и дедушка. Возможно, даже в удвоенном комплекте, и все сдували с нее пылинки. Разумеется, девочке непросто будет смириться с тем, что она их лишилась. Мне в этом смысле было легче. Одного своего деда я никогда не видел, а второй с удовольствием променял бы меня на ящик водки, если бы знал кому.

Ожидая ответа, Настя нетерпеливо смотрела на меня.

– Не родными, конечно, но это не важно. Ягге и Вурдик станут тебе даже ближе родных, – заверил ее я.

– Но зачем?

Я развел руками. Точного ответа на этот вопрос я не знал и сам. Мог только предполагать.

– Здесь все держатся вместе. Наверное, для того, чтобы легче было выжить. Каждый день Красная Рука выпускает все больше чудовищ. Некоторые из них выглядят совсем безобидно. Заезаешься – и отправишься к мертвякам. А мертвяком быть плохо. Очень плохо. А члены одной семьи помогают друг другу. Предупреждают об опасностях. Говорят с тобой. Успокаивают. Понимаешь?

– Кажется, да, – тихо откликнулась Настя. – Люди должны помогать друг другу, чтобы и здесь остаться людьми.

– Примерно то же самое говорит Ягге, хотя она и не человек. Даже близко никогда не была человеком, – признал я.

– А кто?

– Богиня из старого пантеона. Когда-то ей даже жертвы приносили. Телят, голубей, еще чего-то там. Она сама рассказывала.

– И она брала?

– Брала, – кивнул я. – Но не потому, что ей сильно нужны были эти голуби. Просто Ягге говорит, что дорог не подарок, а внимание.

Теперь, когда первое волнение улеглось, я наконец разглядел Настю. Не скажу, что она была красавица, но тем не менее в ней было что-то, чего я не мог выразить, но что мне очень нравилось. Широкоскулая, небольшого роста, с большими удивленными глазами и светлыми, как и волосы, бровями вразлет. Один передний зуб у нее слегка напознал на другой, а у глаза был маленький шрам. И вдобавок она была в очках. Тонких, довольно красивых очках с металлической дужкой, которые, когда она их снимала, оставляли на переносице крошечные продавлики. Отчего-то я перестал даже сожалеть об утопленном шлеме, хотя и знал, что едва ли мне удастся раздобыть новый.

Мы сидели на краю мола. Когда стала накатывать волна, Настя вскочила и неосторожно наступила мне на пальцы.

– Ой, прости! Я ужасно рассеянная. Со мной вечно всякая ерунда творится, – извинилась она.

– Ничего. У меня еще несколько осталось, – пробурчал я, дуя на пальцы.

Вода залива зарябила. Послышался мелодичный звон. На поверхность медленно всплыла хрустальная куколка, и волны стали прибивать ее к мосту. Не знаю, была ли это та же самая куколка или другая: во всяком случае, никаких следов того, что она была разбита, не осталось.

Настя схватила меня за руку, и я ощутил, какая маленькая и теплая у нее ладонь.

– Уведи меня! Пожалуйста! – взвизгнула она.

– Ладно, пошли, – сказал я снисходительно.

Железная лестница жалобно загудела под нашими ногами. Поднявшись на мост, Настя взвизгнула и, отпрыгнув назад, едва не столкнула меня вниз, в ласковые объятия хрустальной куколки.

– Вот спасибо! Еще бы чуточку посильнее – и в самый раз! – поблагодарил я, в последний миг повисая на поручнях своими ранее отдавленными пальцами.

– Там, там, ты видишь? – Девочка с ужасом обернулась ко мне.

Я вспомнил, что так и не предупредил ее о своем гробульнике. «Пускай привыкает. Гроб на колесиках еще не самое жуткое, что здесь можно встретить», – решил я и со вздохом взялся за лямку. Мне еще предстояло тащить его до заправки.

2

– Ну вот и готово! Садись! Карета Золушки подана! – подождав, пока заправочный шланг втянется в огромную каменную жабу, я показал Насте на крышку гроба.

– Ты хочешь, чтобы я туда села? – отшатнулась она.

– Не сомневайся – ты имеешь дело с опытным гробайкером, – заверил ее я.

До сих пор не пойму отчего, но мои слова, кажется, напугали ее еще больше.

Вздохнув, Настя решительно перекинула ногу через крышку гроба и уселась позади меня. Я несколько раз прокрутил заводную рукоятку и добился того, что гроб, зачихав, завелся. Я пришпорил его, ухватился за кисти, и мы тронулись.

Промчавшись мимо пристани, я свернул в город.

В Параллельном Мире был обычный полдень. По дороге одни-одинешеньки бежали Полосатые Носки. Из дыры на большом пальце торчал желтый черепаховый ноготь. За Полосатыми Носками на черной простыне гнался Шамшурка. На окнах развевались красные занавески. Толстая, с лимонным носом, Зеркалица предлагала бесплатные билетки, заманивая прохожих в комнату кривых зеркал. Насколько мне известно, из этой комнаты еще никто не возвращался. Тротуар наискось пересекали чьи-то расплывчатые следы – похоже, что ночью, выслеживая добычу, здесь крались пластилиновые человечки. Встречаться с ними было опасно: окружают со всех сторон, залепят нос, рот и глаза. На перекрестке, размахивая зеленым костылем, Злюка-Кузюка колотил Студенца.

Студенец, не оставаясь в долгу, морозил его своим ледящим дыханием. Рядом уже валялось несколько случайно замороженных прохожих. С громкими стенаниями у дождевых труб вились привидения – гремели цепями, жонглировали своими ушами и носами. Я почти не смотрел на них – из всех обитателей Параллельного Мира привидения были самыми безобидными, разве только попадешься им ровно в полночь, когда они набирают полную силу.

Занятый привычным лавированием между другими гробульниками и черными пятнами на асфальте, я не мог даже повернуться к Насте. Чувствовал только, что девочка с волосами цвета соломы вцепляется в меня все сильнее и сильнее и при этом судорожно дышит. Признаюсь, мне льстило, что в этом страшном городе, полном опасных чудищ и кошмаров, я кажусь ей самой надежной опорой.

«Уж я-то ее защищу! Я человек бывалый!» – самодовольно подумал я и немедленно поплатился за эту похвальбу.

Ягге и Вурдик не раз предупреждали, что в Параллельном Мире неожиданности подстерегают на каждом шагу. Расслабился на миг – и ты мертвяк! Так случилось и на этот раз.

Мы были уже на проспекте Трех Скелетов, когда, внезапно вынырнув из подворотни, за нами увязалась Рожа – Костяная Кожа. Вначале меня это не слишком напугало – я знал, что Роже не под силу угнаться за скоростным гробом.

– Там отрубленная голова! Она у меня за спиной! – взвизгнула Настя.

– Это Рожа! Держись крепче! Сейчас оторвемся! – велел я.

Уверенно взявшись за кисти, я привычным движением пришпорил гроб, посылая его вперед, но произошло непредвиденное...

Хрумс-тихе... Хрумс... Тот же звук еще раз. Страшной силы удар по днищу. Гроб стремительно заносит. «Боже, что происходит? Я им больше не управляю! Он мне не подчиняется! Не-е-ет!»

Мне почудилось, прошла вечность, пока я сообразил, что сразу два колеса справа отлетели, наехав на препятствие. Сзади с ужасающим грохотом уже подкатывал вагон трамвая тринадцатого номера, известного тем, что он всегда появляется там, где больше всего не нужен. Сквозь расплывающиеся, как паутина, трещины водительского стекла грозно выглядывал красноглазый горбун.

– Держись! – завопил я.

Вцепившись в левую кисть, я дернул изо всех сил, но не успел выровнять гроб. С сухим треском, почему-то напомнившим мне о зубокабинете, он осел на мостовую. Не удержавшись на полированной крышке, мы с Настей слетели на асфальт. В полете я успел только выругать оборотней, подпиливших ось, и подумать: «Ну все, конец!»

Настя вцепилась в меня еще крепче. С моей точки зрения, это было глупо, но оказалось не глупо: вначале на асфальт упал я, а она сверху.

– Ну... как... ты? – спросил я, отыскивая слова в царящем у меня в голове беспорядке. Мир перед моими глазами постепенно собирался из кусочков.

– Нормально. Я приземлилась на что-то мягкое! – Настин голос звучал так же очумело, как и мой.

– Угу! Я приблизительно догадываюсь, что это было, – прохрипел я и внезапно заметил, что прямо на нас несется Рожа – Костяная Кожа. Громадная, лысая, она уже нависла над нами...

Я даже не завопил, потому что вопить было уже поздно. И уворачиваться тоже поздно. Все решали мгновения. Сейчас Рожа вонмет нас в себя и проглотит.

«Интересно, те, кого пожирает Рожа, тоже становятся мертвяками? Хотя как может стать мертвяком тот, от кого ничего не осталось?» – задумался я.

Я всегда почему-то в неподходящие минуты размышляю о всяких неподходящих вещах. В школе меня даже дразнили из-за этого «профессором», хотя при чем тут профессор, я ума не приложу.

Настя завизжала – кажется, она тоже заметила Рожу. Подпрыгивая на кочках, гигантская отрубленная голова уже распахнула свой мягкий беззубый рот, но тут земля содрогнулась от могучего рева:

– Не трогай их, голова! Они мои!

Лежа на асфальте, я животом ощутил вибрацию этого рева. Мне даже почудилось, что слова эти прошли сквозь меня.

Едва раздался этот рев, город замер. Время словно остановилось. Ограда кладбища зашаталась. Виселицы и гильотины заходили ходуном. Трамвай тринадцатый номер подпрыгнул на стрелке. Горбун с красными глазами треснулся лбом в стекло, отчего оно покрылось трещинами еще больше. Даже наша Многоэтажка на Тиранозавриных Лапах, не боящаяся ничего и никого, присела в тревоге.

Не докатившись какого-то полуметра, Рожа – Костяная Кожа подскочила, как мяч, с громким чавканьем перепрыгнула через нас и, спружинив лысой макушкой об асфальт, покати́лась дальше. Я успел заметить, что физиономия у нее была обескураженная.

3

Мне пришлось долго колотить кулаком в дверь кухни, прежде чем Ягге открыла. Они с Вурдиком сидели за столом и пили чай. На столе, справа от хлебницы, лежал мушкет, а рядом была насыпана горка серебряных пуль.

- Что вы тут забаррикадировались? На палку закрылись? – спросил я.
– Не на палку, а на мою деревянную ногу! А не открывали мы тебе, потому что думали, что ты Карамора! – уточнил Вурдик.
– Какой Карамора? – озадачился я.
Ягге насмешливо фыркнула, а дед смутился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.